

⁴² Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. Изд. 3. Рязань, 1999. С. 106; Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом с примечаниями И. Добролюбова. Рязань, 1889. С. 71–72.

⁴³ Главич С. О происшествиях московских. М., 1875. С. 4–5.

⁴⁴ РГАДА, ф. 131, оп. 1, д. 2 (1654 г.), л. 24; д. 1 (1659 г.), л. 4.

⁴⁵ Там же, д. 3 (1654 г.).

⁴⁶ Беляков А.В. Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях Смутного времени и его судьба // Мининские чтения: 2004. Н. Новгород, 2005. С. 21–35.

⁴⁷ Шишкин Н.И. Указ. соч. С. 106; Рязанские достопамятности... С. 71–72.

⁴⁸ Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. С. 275; Ахметзянов М.И. Татарские шеджере (исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистических аспектах по спискам XIX–XX вв.). Казань, 1991.

⁴⁹ Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006. С. 23–24.

⁵⁰ РГАДА, ф. 1167 (Темниковская приказная изба), оп. 1, д. 1353, л. 7–8а.

⁵¹ Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. Ч. 3. СПб., 1866. С. 426–434.

⁵² Шишкин Н.И. Указ. соч. С. 138.

⁵³ Хайретдинов Д.З. Касимовское ханство // Ислам на Нижегородчине: энциклопедический словарь. Н. Новгород, 2007. С. 82.

⁵⁴ Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. Ч. 4. СПб., 1887. С. 53–112.

⁵⁵ Гагин И.С. Краткая сложность о касимовских царях татарских и памятниках с их времени существующих / Публ. М. Крейта // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Т. 16. Вып. 3. 1901 г. Рязань, 1902. Из бумаг Гагина эти представления были позаимствованы М. Барановичем (Баранович М. Материалы для статистики и географии России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. СПб., 1860. С. 525).

⁵⁶ Разряды. В 4 т. СПб., 1850–1855; Дополнения к тому III Дворцовых разрядов. СПб., 1854; Дополнения к Дворцовым разрядам. Ч. 1. М., 1882; Голицын Н.Н. Указатель имен личных, упоминаемых в Дворцовых разрядах. М., 1912.

⁵⁷ Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. Ч. 3. С. 403–413; Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006. С. 389, 390, 392, 499, 500.

⁵⁸ Любимов С.В. Указ. соч. С. 63–79.

⁵⁹ Витсен Н. Путешествие в Московию. 1664–1665 гг. СПб., 1996. С. 124–126.

⁶⁰ РГАДА, ф. 141 (Приказные дела старых лет), оп. 1, д. 36 (1627 г.); Беляков А.В. Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Тюркологический сборник: 2006. М., 2007. С. 102.

⁶¹ Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. Ч. 3. С. 219.

© 2011 г. С. А. МЕЗИН*

ПЕТР I, ЛЕЙБНИЦ И СПЕРАНСКИЙ

В фонде М.М. Сперанского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится сочинение «Содержание истинного разговора Петра Великого с Лейбницем в Торгау»¹. Это черновик с многочисленными поправками и частично поврежденным текстом, что местами затрудняет его прочтение. Тем не менее, основное содержание текста ясно, а его небольшой объем позволяет привести его почти полностью:

«Лейбниц хвалит Петра Великого за твердость его духа и высокую предприимчивость.

Петр Великий сожалеет, что происшествия не столь быстро идут, как его мысль, и что Россия не пришла еще в то положение, не заняла того места в системе Европейской, какое он в понятиях своих ей предназначил.

* Мезин Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Лейбниц утешает его, доказывая ему: 1) что крутые превращения не прочны.

Петр на сие отвечает, что для народа, столь твердого и непреклонного, как российский, одни крутые приемы могут быть действительны.

Лейбниц доказывает: 2) что, не положив основания перемен во нравах народных, образование его не может быть прочно.

Петр отвечает, что нравы образуются привычками, а привычки происходят от обстоятельств. Следовательно, придут обстоятельства, нравы со временем сами собою утвердятся.

Лейбниц продолжает: 3) что дотоле все перемены его во внутреннем положении России основаны были на [зачеркнуто: самовластии] личной предержавшей его силе; что он ничего не сделал для внутренней свободы.

Петр отвечает, что Лейбниц опорочивает крутые превращения и сам, однако, их требует. Политическая свобода [зачеркнуто: человека] государства утверждается на установлениях, установления в России, им сделанные, относятся к ее благосохранению, но плод их зависит от времени. Краткое воззрение на будущее, и каким образом установления сии произрастят свободу: 1) просвещением; 2) промышленностью. Правда, что теперь еще она ничего не значит и имеет только внешние очертания. Им недостает внутреннего существа. Людей просвещенных.

Лейбниц продолжает: 4) что перемены сии вообще не нужны: ибо некуда торопиться. Взгляд на общий тон государственных установлений. Суммы счастья во всех почти веках были одинаковы. Оставьте созреть постепенно вашему народу. Что вы хотите? Чтоб ваш народ был столько же счастлив, как другие? Но измерили ли вы их счастье? Сравнили ли количество их наслаждений с их страстями и нуждами? К несчастью, удовольствия всегда развиваются вместе с нуждами. Вы прельстились блистательной их наружностью, но то наружность, ибо спросите: 1) менее ли у них преступлений, 2) менее ли тяжб, менее ли самоубийств, 3) менее ли податей, и менее ли нищих, 4) более ли семейственного счастья, 5) лучше ли у них любят матери детей, 6) более ли уважают старость и связи родства? Более ли имеют они здоровья? Сколько у них докторов? В каком содержании умершие и родящиеся? Что произвело их просвещение? Самая математика, открытие Нового света, все прихоти промышленности? В чем состоит их свобода? В том, чтобы делать то, что они хотят? Но если они ничего не хотят, [как] только по своим страстям, кто у них свободен? Не они, а их страсти, они в рабстве. Будьте уверены, государь, что нет другой свободы, кроме разума и владычества над страстями, все другие роды свободы суть его призраки. Я предвижу, что некогда призраки его много пророчили прока; но все кончится тем же. Те, кто даже приняли наше просвещение, не верят в свободу для разума, ибо науки питают только самолюбие и воспаляют страсти, материя их чувственна. Не там, не в мире совершенном, не в обширном плане бытия человеческого взяли они свою точку зрения, ограничили горизонт свой землею, и все думают только о наслаждении чувств и власти. Сему общему тону покорились и государства и государи: они считают химерами истины, взятые из другого мира. Платона считают лунатиком, а он один им говорил правду и лучше всех человек видеть один только и мог истинный образ правления. Государь философ и добродетельный; все прочие более или менее нужны, и не стоит почти труда ими заниматься. Если б вы вместо всех превращений дали народу своему пример умеренности, воспитали доброго наследника, провели бы паки только... людей добродетельных в наставники бы и в советники, сделали бы такое учреждение, чтоб сей образ воспитания по смерти вашей продолжался, вы бы сделали больше добра вашему народу. Пророчество в том, что Россия будет по вашему плану, и что бы она была по моему.

Петр Великий. Ты меня приводишь в молчание, но не убеждаешь. В знак дружбы прошу никому сего разговора не пересказывать.

Лейбниц. Вот выход, тем легче исполнить, что я сам чувствую, что бесполезно рассуждать о сих истинах. Одни их не поймут, другие не послушают, третьи назовут прелестными химерами, и все пойдет так, как было, доколе великой деснице не будет благоугодно дать вещам другое направление; а сие непременно будет тогда, когда при-

станет время, в вечном плане для него предопределенное. Усилия людей тут ничтожны. Лучшие из них должны гордиться только тем, что они сего желали».

Впервые текст «Истинного разговора» был опубликован в качестве приложения к переводу книги Дж. Реале и Д. Антисери «Западная философия от истоков до наших дней». При этом публикаторы справедливо отметили, что взгляды Петра I и Г.-В. Лейбница представлены тут в изложении «неизвестного автора», а рассуждения, приписываемые Лейбницу, принципиально расходятся с теми идеями, которые высказывал философ в известных историкам записках, адресованных Петру I. Тем не менее этот документ был отнесен ими к числу подлинных записок и проектов Лейбница и даже назван «наиболее красноречивым» из них². 10 лет спустя И.В. Кондаков поместил в своем исследовании сокращенный текст «беседы Лейбница с Петром», сетуя на то, что она до сих пор недооценена исследователями. «Запись беседы» рассматривалась им как свидетельство разных взглядов современников на реформы Петра I, проявление внутренних сомнений реформатора и «тайный голос его европейского самосознания»³. Анализ текста позволил Кондакову увидеть Петра «рефлектирующим» просветителем, мучительно размышляющим над теоретическими вопросами реформирования России.

Однако представленный выше документ не может быть использован как памятник общественной мысли начала XVIII в. без источниковедческого обоснования и соотнесения с историко-культурными реалиями века Просвещения. Во-первых, бросается в глаза то, что мысли, приписываемые здесь Лейбницу, во всем противоречат подлинным проектам философа, связанным с Россией. Знаменитый немецкий ученый был горячим сторонником трансплантации европейской культуры на «девственную» русскую почву и ни на минуту не сомневался в правомерности «крутых превращений» по воле «гениального монарха», высказывая созвучные своему времени механистические взгляды на реформирование государственного аппарата. Все предложения Лейбница, содержащиеся в его записках Петру I, носили очень конкретный, сугубо прагматический характер: привлечение способных иностранцев и обучение русских за границей, создание академии и ученой коллегии, организация библиотек, музеев, обсерваторий и т.д.⁴ Например, Лейбниц уверял, что если царь ассигнует 10 тыс. талеров на реализацию его просветительских и научно-технических проектов, то «в один год можно будет достигнуть больших результатов, чем другие народы достигли бы в 10 лет»⁵. Во время встреч с царем Лейбниц вынашивал планы поступления на русскую службу, мечтал о доходном месте президента Академии в Петербурге и разрабатывал секретные внешнеполитические проекты. Впрочем, действительный автор «Истинного разговора», по-видимому, был знаком с философскими трудами Лейбница, который в осмысленной целостности космоса видел «предустановленную гармонию», достигаемую через раскрытие индивидуальных форм посредством их образования и становления. Поступательное движение к цельности было возможно, по Лейбницу, только через раскрытие индивидуальности⁶. Этим, возможно, объясняется появление в «Истинном разговоре» слов об «обширном плане бытия человеческого», о «предопределенном» времени, о тщетности спешки и стремления забежать вперед.

Во-вторых, мнимая беседа царя с философом не вполне адекватно отражает реалии петровского времени. Из беседы явствует, что в 1711 г. у Петра существовал какой-то стройный план преобразования России и включения ее в систему европейских государств, что едва ли соответствовало действительности. Едва ли в ходе «разговора» мог возникнуть и вопрос о воспитании доброго наследника. Говорить об этом было уместно в связи с печальным финалом отношений Петра с царевичем Алексеем, но не в момент свадьбы наследника престола, состоявшейся в Торгау в октябре 1711 г. (в это время Лейбниц и встречался с русским царем). Весь ход «разговора» явно предполагает знание результатов петровского царствования, а это наводит на мысль о том, что текст составлялся задним числом⁷.

В-третьих, – и это главное – большинство идей, высказанных в «Истинном разговоре», принадлежат другой, отнюдь не петровской, эпохе. Лишь во второй половине XVIII в. «нравы народные» стали рассматриваться как основа законодательства и ре-

форм (такой подход зафиксирован, например, в «Наказе» Екатерины II, в сочинениях И.Н. Болтина). Рассматривая «разговор» как запись подлинной беседы начала XVIII в., Кондаков вводит в цитату Лейбница в качестве уточнения слово «цивилизация». Между тем это слово появляется в научно-политическом словаре не ранее середины 1750-х гг. и получает широкое распространение уже в 1770-х гг.⁸ Лейбниц, конечно, не мог использовать это понятие, но суть диалога (и это верно уловил современный исследователь!) сводится как раз к характеристике различных путей «цивилизации» России. Концепция «цивилизации» России разрабатывалась, в частности, в середине 1770-х гг. Д. Дидро. При этом знаменитый философ отталкивался от споров Вольтера и Руссо о значении реформ Петра I и развивал идеи Монтескье, Юма, Мабли, представителей шотландской исторической школы. В окончательном виде концепция Дидро была изложена в отрывке «О цивилизации России»⁹, а затем, правда анонимно, в посвященных России томах 2-го (1774) и 3-го (1780) изданий «Истории обеих Индий» Г.-Т. Рейналя¹⁰. Критическая оценка петровской «цивилизации» России сближает отрывок Дидро с «Истинным разговором».

Отмеченное выше отрицание «самовластия» как орудия цивилизации, признание «внутренней свободы» как ее необходимой предпосылки, осуждение «крутых превращений» и отстаивание «постепенного», естественного «созревания», сомнения во внешне блестящих достижениях европейской цивилизации, взятой за образец Петром I, осуждение действий царя в отношении сына – эти идеи созвучны размышлениям Дидро и людей его круга, и, как минимум, предполагают знакомство автора с историко-политической полемикой европейских публицистов второй половины XVIII в. о реформах Петра I. Так, Дидро полагал, что институты цивилизованного общества должны естественным путем вырастать на собственной почве, вызревая и проходя определенные стадии развития. Дидро был одним из первых, кто отрицал идеи Лейбница и Вольтера о трансплантации культуры, олицетворением которой являлся Петр I. Таким образом, рассуждения, приписанные в «Истинном разговоре» Лейбницу и Петру I, не могли появиться в начале XVIII в. К тому же в них слышатся и некоторые популярные в конце XVIII в. масонские идеи (например, о господстве страстей над людьми и о необходимости освобождаться от рабства страстей и пороков)¹¹.

Некритически воспринимая содержание «Истинного разговора», современные авторы склонны преувеличивать вовлеченность Петра I в философские споры его времени и модернизировать его взгляды. Как справедливо заметил Н.Н. Петрухинцев, «недооценка эволюции самого Просвещения и европейского XVIII века приводит к смешению смысловых акцентов в восприятии эпохи Петра I»: «На нее переносится комплекс идей финала Просвещения, трактуемых исследователями в качестве определявших политику деятельности установок Петра I, уже якобы присутствующих в сознании царя»¹². Случай с «Истинным разговором» – яркое тому подтверждение.

Между тем знакомство с рукописью сочинения по сути не оставляет сомнений в том, когда оно было написано и кто был его автором. «Содержание истинного разговора» совершенно не случайно находится в фонде Сперанского и помещено в раздел «Работы М.М. Сперанского и материалы к ним». Сам текст написан его рукой, а многочисленные поправки отражают процесс авторской работы над данным сочинением. Не менее важно и совпадение взглядов на реформы Петра I в «Истинном разговоре» и других сочинениях Сперанского. В одной из записок 1802 г. он так характеризовал петровские преобразования: «Воссядет на престол дух сильный и предприимчивый (здесь и далее курсив мой. – С.М.), один из сих духов, что небо посылает на землю для преобращения судьбы царств, он пожелает *народ грубый и упрямый* одним махом передвинуть и поставить на той точке совершенства, к коей смежные государства веками доходили, – и царство сие покроется всем *блеском заимствованного просвещения*. Успехи войны и наружное сходство внутреннего устройства заставят возмечтать народ, что он все сделал, нарядившись в чужое платье и переменяв внешний свой вид. С сего времени подражание войдет в свойство народа, и природная гордость северных обитателей обратится в тщеславие и напыщенную уверенность. Все займется украше-

нием поверхностей и, введя иностранные названия в образ правления, будут думать, что переменили само существо его, – позлатят цепи свои и нарекут себя *свободными*. Слепясь призраками роскоши и меня кровавый пот на игрушки, возмечтают, что обогатились торговлею. Откроются академии, явятся Бернулли и Ридингеры, прославятся в Европе деяния мудрых, а народ чтение грамоты будет считать еще между смертными грехами»¹³. Нетрудно заметить не только идейное, проблемное, но даже и лексическое сходство этого отрывка с «Содержанием истинного разговора». «Преобразования», производимые «одним махом», равно как и «крутые превращения» в конечном счете отвергаются автором, хотя он и отмечает связь «крутых» методов реформ с особенностями «грубого и упрямого» («твердого и непреклонного») народа. Насильственный и вместе с тем поверхностный характер преобразований, отсутствие в обществе «внутренней свободы» и «людей просвещенных», бездумное и бесполезное заимствование «блестящей» внешности европейского просвещения, тщеславная гордость военными успехами – эти характеристики не только сближают между собой данные сочинения Сперанского, но и свидетельствуют о наличии у него устойчивых представлений о петровских реформах.

Принявшись за реформирование России, Сперанский часто задумывался об историческом опыте и возможных путях преобразований, о чем свидетельствуют многочисленные его записки. Необходимость учитывать обычаи страны и нравы народа, требование «постепенности усовершенствования общественного» лежали в основе его представлений о реформаторской деятельности. Преобразования Петра I, по мысли реформатора александровского времени, были неплохо задуманы, но не осуществлены в полной мере. Да и петровские методы заимствования чужого опыта не вызывали у Сперанского симпатий. Сперанский был большим знатоком европейской философии. Привлекала его и нравственная составляющая масонских исканий.

Признавая Сперанского автором «Истинного разговора», нельзя не поставить вопрос, откуда он почерпнул сведения о самой встрече Петра I и Лейбница. Дело в том, что в российских публикациях XVIII в., посвященных петровской эпохе (в частности, у И.И. Голикова, М.М. Щербатова, Я. Штелина), факт беседы царя с Лейбницем в Торгау в 1711 г. отмечен не был. Намек на общение царя с философом содержится лишь в русском переводе «Похвального слова царю Петру I» Фонтенеля: «Требовал он совета о великих своих намерениях у великого Лейбница»¹⁴. Однако место их встречи здесь не указано. Поэтому следует предположить, что Сперанский был знаком с европейскими изданиями, посвященными немецкому философу. В своем «Похвальном слове Лейбницу» тот же Фонтенель писал в 1716 г. о том, что для него Петр I «открыл в 1711 г. широкое поле деятельности»: «Царь, имевший величайший и благороднейший замысел, который может только прийти в голову государю, а именно – вытащить свои народы из варварства и ввести в их среду науки и искусства, поехал в Торгау... и там он часто виделся и советовался с Лейбницем относительно своего замысла»¹⁵. Таким образом, для европейских читателей факт этой встречи секретом не был, а нечитанность Сперанского в европейской (особенно французской) литературе сомнений не вызывает.

По своему жанру рассматриваемое сочинение близко к популярному в XVIII в. и восходящему к античности жанру «разговоров в царстве мертвых», в которых авторы заставляли известных исторических деятелей «беседовать» на актуальные темы. Такого рода произведения отнюдь не претендовали на историческую подлинность. Едва ли Сперанский мог предполагать, что его политико-философское сочинение через два века примут за подлинный документ петровской эпохи. Внешние признаки рукописи позволяют датировать ее 1803–1812 гг. (скорее все же ее следует отнести к началу этого периода). Бумага имеет водяные знаки 1803 г. Когда же М.М. Сперанский вернулся в 1821 г. в Петербург после долгой ссылки, его секретарь К.Г. Репинский нашел рукопись «Содержания истинного разговора» отчасти «съеденной мышами», о чем и оставил карандашную пометку на ее первом листе.

Примечания

¹ ОР РНБ, ф. 731, д. 838, л. 1–4 об. Нумерация листов в деле перепутана.

² Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 3. СПб., 1996. С. 711–712.

³ Кондаков И.В. «Порядок» vs «хаос»: Петр I в интеллектуальной истории России // Петр Великий. М., 2007. С. 15–18.

⁴ См.: Герье В.И. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. С. 16, 75–77, 120–122, 196–200.

⁵ Там же. С. 120.

⁶ См.: Дайксель А. Петр Великий и Вильгельм Лейбниц (Размышления о прогрессе) // Петербургские чтения: Тезисы докладов научной конференции. Вып. 2: Культура и международные связи Санкт-Петербурга в петровское время. СПб., 1993. С. 9–10.

⁷ Пожалуй, единственный случай, когда в «разговоре» можно усмотреть отзвуки реальных взглядов Петра I, это его реплика о необходимости «крутых» методов для преобразования «народа, столь твердого и непреклонного, как российский». Она перекликается с известной сентенцией Петра: «Наш народ, яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из нынешних дел». См.: ПСЗ-I. Т. 7. № 4345. С. 150.

⁸ Старобинский Ж. Слово «цивилизация» // Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и искусства. М., 2002. С. 110–149.

⁹ Denis Diderot. Mélanges et morceaux divers. Contributions à l'Histoire des deux Indes. Vol. 2. Siena, 1977. P. 375–389.

¹⁰ [Raynal G.-T.] Histoire philosophique et politique des établissements dans les deux Indes. Т. 2. A la Haye, 1774. P. 285–305; [Raynal G.-T.] Histoire philosophique et politique des établissements dans les deux Indes. Genève, 1780. Т. 3. P. 167–178; Т. 10. P. 42–52. Суть концепции выявлена в работах французского историка Ж. Дюлака: Dulac G. Diderot et le «mirage russe»: quelques préliminaires à l'étude de son travail politique de Pétersbourg // Le Mirage russe au XVIII siècle. Ferney-Voltaire, 2001. P. 149–192. См. также: Мезин С.А. Дени Дидро и возникновение концепции «цивилизации» России // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. Тезисы докладов всероссийской научной конференции. М., 2008. С. 48–52.

¹¹ См.: Смит Д. Работа над диким камнем: Массонский орден и русское общество в XVIII веке. М., 2006. С. 42.

¹² Петрухинцев Н.Н. Петр I и его эпоха: Стереотипы исторического восприятия и перспективы их преодоления // Петр Великий – реформатор России. М., 2001. С. 25.

¹³ Сперанский М.М. Размышления о государственном устройстве империи // Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 249–250.

¹⁴ Трудолюбивый муравей. 1771. № 6. С. 43.

¹⁵ Fontenelle. Oeuvres complètes. Vol. 1. Genève, 1968. P. 124.